

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ОБМУНДИРОВАЛЬНОЕ ДЕПО

ВЪ ПАРИЖѢ.

(Продолженіе.)

V.

Приемная *по сукну* комисія (по другимъ статьямъ существуютъ особыя комисіи), при каждомъ складѣ, находится подъ непосредственнымъ распоряженіемъ интенданта (*sous-intendant-militaire*), въ административномъ распоряженіи котораго состоитъ обмундировальный магазинъ; онъ обязанъ возможно чаще присутствовать при работахъ комисіи, которая выслушиваетъ всѣ его указанія и наблюденія. Самая же комисія состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: изъ предсѣдателя и его кандидата — штабъ-офицеровъ (*officiers supérieurs*), изъ трехъ капитановъ дѣйствительныхъ членовъ (*capitaines titulaires*), трехъ капитановъ ихъ кандидатовъ (*capitaines suppléants*) и офицера интендантства, повѣряющаго качество поступающихъ материаловъ (*officier d'administration vérificateur du matériel*). Офицеры, какъ старшіе, такъ и капитаны, назначаются командующимъ войсками округа и выбираются изъ войскъ, въ немъ расположенныхъ, при чемъ представляется на особенный видъ командующему, чтобы перемены въ составѣ комисіи производились не иначе, какъ по частямъ, т. е. чтобы члены комисіи не смѣнялись всѣ разомъ. Всѣ означенныя лица пользуются равнымъ голосомъ при рѣшеніи вопросовъ приемки. Сверхъ того въ составъ комисіи входятъ, *сѣ голосомъ совѣщательнымъ*: офицеръ, завѣдывающій счетною частію магазина, и экспертъ, избираемый интендантствомъ изъ фабрикантовъ или изъ портныхъ, известныхъ своимъ добрымъ именемъ и знаніемъ сукна. Экспертъ участвуетъ только по приглашенію комисіи, когда она найдетъ нужнымъ его мнѣніе при рѣшеніи сомнительныхъ случаевъ или спорныхъ вопросовъ. Комисія обязана приступать къ приему только въ полномъ составѣ дѣйствительныхъ членовъ, и такъ какъ офицеръ

интендантства, одинъ при всѣхъ комисіяхъ, не всегда можетъ находиться при приѣмѣ сукна, то при отсутствіи занимаетъ его мѣсто одинъ изъ капитановъ-кандидатовъ.

Итакъ, во Франціи приѣмныя по сукну комисіи состоятъ изъ четырехъ офицеровъ дѣйствительныхъ членовъ, четырехъ ихъ кандидатовъ и офицера интендантства, офицера по счетной части магазина и эксперта; у насъ приѣмныя комисіи состоятъ изъ предсѣдателя, двухъ офицеровъ отъ войскъ, члена отъ интендантства и главнаго смотрителя складовъ. Составъ по числу лицъ близокъ; но разница въ томъ, что въ нашихъ комисіяхъ нѣтъ кандидатовъ на случай отсутствія кого-либо изъ членовъ, и еще большая въ томъ, что у насъ приѣмныя комисіи обязаны принимать не одно сукно, а всѣ предметы, поступающіе въ складъ. Есть нѣкоторая разница и въ значеніи самыхъ комисій: у насъ онѣ поставлены независимо отъ интенданта округа; у насъ предсѣдатель выбирается и назначается военнымъ министромъ; у насъ къ комисіи не прикомандированы эксперты... Но мы не остановимся на разборѣ причинъ такого различія: наши комисіи еще только что открываются, и слишкомъ рано сравнивать ихъ съ французскими. Мы перейдемъ къ работамъ комисіи въ центральномъ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ.

Проденатированныя и совершенно сухія половинки воступаютъ прежде всего въ то отдѣленіе, гдѣ опредѣляются имъ мѣра и вѣсъ. Работа эта идетъ помимо рукъ комисіи, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностію офицера магазина, завѣдывающаго счетомъ вещей (то же, что нашъ сортовой смотритель); но комисія контролируетъ мѣру и вѣсъ и дѣлаетъ это каждый разъ, когда сочтетъ нужнымъ. Въ парижскомъ центральномъ магазинѣ промѣриваніе и взвѣшиваніе производятся не въ слишкомъ просторной комнатѣ, освѣщенной однимъ окномъ, и куда половинки закладываются небольшими партиями. Вдоль комнаты стоитъ длинный столъ, столешница котораго по краямъ имѣетъ по вѣрванной мѣдной линейкѣ, въ два метра, съ дробными подраздѣленіями, т. е. дециметрами и сантиметрами. У одной изъ стѣнъ, на полу, стоятъ десятичные вѣсы, и недалеко отъ нихъ конторка, на которой составляется реестръ промѣранныхъ половинокъ. Сначала опредѣляется ширина и длина; что дѣлается одновременно, и затѣмъ уже половинка взвѣшивается. Но прежде чѣмъ опишемъ самую ма-

нпцуляцию измѣренія, скажемъ нѣсколько предварительныхъ словъ объ *отбивкѣ*, т. е. опредѣленіи широты сукна, и о кромкѣ, играющей весьма важную роль не только при этомъ опредѣленіи, но и въ вѣсѣ сукна.

Такъ какъ сукно заподрягается въ извѣстный вѣсъ въ метрѣ, то кромка опредѣлена точно во французскихъ условіяхъ: она должна быть *въ 12 нитей основы* — правило весьма умное и назидательное для нашихъ русскихъ фабрикантовъ-поставщиковъ казны, изъ которыхъ иные, ради вящаго вѣса (*); дѣлають кромку чуть не въ вершокъ шириной, вывода ея даже на концѣ половинки шириной еще большей. У французовъ этого нельзя сдѣлать: кромка должна имѣть 12 нитей основы и быть не шире 30 миллиметровъ—точно, опредѣленно, ясно! Правда, нити основы въ кромкѣ могутъ быть толще и тоньше, но при опредѣленной ширинѣ ея не представляютъ той разницы вѣса, которой полный просторъ даетъ ничѣмъ неопредѣленная у насъ кромка. Нашему интендантству необходимо позаимствоваться у французскаго правилами о кромкѣ, по отношенію къ измѣренію ширины еще болѣе интересными.

У насъ это измѣреніе, производимое, какъ и у французовъ, линейною мѣрою, вызываетъ безпрестанные споры, особенно при отбивкѣ ширины въ половинкахъ, назначенныхъ въ мѣтку. Въ нашемъ сукнѣ кромка съ нимъ одноцвѣтна: часто дѣйствительно трудно сказать, гдѣ она кончается и гдѣ начинается чистое сукно. Во французскихъ кондиціяхъ это предвидимо и кромка ясно отдѣлена начальными нитями основы другаго цвѣта: именно изъ двѣнадцати ея нитей три ближайшія къ цѣльному сукну должны быть одинаковаго цвѣта съ полосами коймы (о чемъ говорено выше) и ясно выходить изъ общаго фона сукна, образуя тонкую полоску, къ которой и прикладывается конецъ измѣряющаго метра. Употребляя для сказанныхъ трехъ нитей цвѣта бѣлый, желтый и черный, требованіе кондицій удобно прилагается во Франціи какъ къ сукну крашенному въ шерсти, такъ и окрашенному въ полотно. Говоря объ измѣреніи ширины сукна, здѣсь ктати сказать нѣсколько сравнительныхъ словъ о самой ширинѣ: во Франціи узаконенная ширина равна 119 сантиметрамъ, что составляетъ $26\frac{3}{4}$ вершка, у насъ—30 вершкамъ; слѣдовательно, разница

(*) Такъ какъ кромка дѣлается изъ шерсти низшаго качества, слѣдовательно болѣе дешевой, то это особенно выгодно для поставщиковъ.

въ $3\frac{1}{4}$ вершка. Которая изъ этихъ двухъ ширинъ болѣе вѣрная, т. е. болѣе практичная въ раскрой сукна, сказать трудно; важно только то, что французское военное министерство, не бракуя сукна за большую ширину, ничего не платитъ за все лишнее сверхъ 119 сантиметровъ. Изъ этого нетрудно заключить, что означенную ширину оно считаетъ самою удобною для выкройки какъ мундировъ, такъ и панталонъ; то же самое подтвердили мнѣ и въ центральномъ обмундировавшемъ магазинѣ въ Парижѣ члены приемной комисіи, показавъ между прочимъ литографированные чертежи раскроя сукна, изъ которыхъ дѣйствительно можно убѣдиться, что принятая во Франціи ширина есть наибывгоднѣйшая. На это обстоятельство въ нацѣмъ интенданствѣ слѣдуетъ обратить вниманіе потому еще особенно, что прежними положеніями предоставлено фабрикантамъ право ставить сукно и шире 30 вершковъ, но при расчетѣ съ переводомъ лишковъ на длину. Пользуясь такимъ правомъ, русскіе фабриканты довели теперь большую часть поставляемаго сукна, по крайней мѣрѣ безворснаго, до ширины въ 40 и 41 вершокъ. Такого рода право для фабрикантовъ, конечно, выгодно: если труднѣе и хлопотливѣе заправка станка широкаго, за то тканье идетъ скорѣе, сработывается сукна больше чѣмъ на станкѣ узкомъ. Но спрашивается: выгодно ли это для казны? Вопросъ серьезенъ и важенъ, особенно въ виду того обстоятельства, что французское правительство не платитъ ни одного сантима за все лишнее свыше $26\frac{3}{4}$ вершковъ. Вопросъ слѣдуетъ разобрать точно.

Далѣе: у насъ ниже 30 вершковъ допускается только одно — по крайней мѣрѣ въ сукнѣ безворсномъ — ширина въ 29 вершковъ; во Франціи гораздо болѣе: 118, 117, 116, 115 и 114 сантиметровъ. Сукно уже послѣдней цифры бракуется. Опять разница, и значительная: во Франціи допускается сукно до $25\frac{2}{3}$ вершка ширины, у насъ бракуется въ $28\frac{3}{4}$ вершка. Зная же, что ростъ людей и во Франціи и у насъ почти одинаковъ, что складъ тѣла какъ здѣсь, такъ и тамъ столь же разнообразенъ, нельзя не остановиться и на этой разницѣ, нельзя не желать и ея точнаго разъясненія. Если наши размѣры ширины невѣрны, что весьма вѣроятно, то чѣмъ скорѣе поправить ихъ, тѣмъ лучше. Ширина меньшая противу 119 сантиметровъ приводится во французскихъ интендантскихъ магазинахъ къ узаконенной, т. е. съ пропорціональнымъ умень-

иеніемъ длины сукна. Говоря о ширинѣ и длинѣ, нельзя не замѣтить еще, что счетъ на сантиметры для французскихъ фабрикантовъ гораздо выгоднѣе нашего счета на вершки, при которомъ откидываются дроби. Эта потеря фабрикантомъ $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ вершка, при длинѣ въ 30, 35 аршинъ половинки, конечно, ничтожна; но она составляетъ значительный разсчетъ при измѣреніи ширины и при переводѣ ея на законенную. Пояснимъ примѣромъ: если половинка по среднему измѣренію ширины оказалась въ $39\frac{3}{4}$ вершка, то отбросъ $\frac{3}{4}$ вершка, при 35 аршинахъ длины, составляетъ потерю уже близкую къ аршину. И во французскомъ интендантствѣ дроби теряются, но дроби сантиметра; слѣдовательно потеря во столько разъ меньшая, во сколько сантиметръ менѣе вершка. Намъ, лично, кажется болѣе правильнымъ, при учетѣ ширины сукна, четвертей вершка не отбрасывать.

Еще два слова о длинѣ половинокъ: у насъ, сколько помнится, она не опредѣлена въ условіяхъ и предоставлена усмотрѣнію поставщиковъ-фабрикантовъ; въ кондиціяхъ французскаго интендантства длина половинки не должна превышать 30 метровъ.

VI.

Процессъ измѣренія длины и ширины продекатированныхъ половинокъ въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ ведется такъ: на столѣ, уже описанномъ нами и снабженномъ вдоль длинныхъ краевъ вѣзанной мѣдной линейкой въ два метра, съ его подраздѣленіями, протягивается половинка, расправляется, и каждые два метра отмѣчаются чертой мѣломъ. Черезъ каждые два метра, деревянной трехгранной линейкой, раздѣленной на сантиметры, опредѣляется ширина и записывается мѣломъ на свободномъ мѣстѣ стола, если идетъ разнообразно. Все это дѣлается однимъ рабочимъ, подъ наблюденіемъ офицера, завѣдывающаго счетомъ вещей магазина. Спадающая со стола половинка укладывается другимъ рабочимъ въ пласты, конечно, неправильные, лишь бы удобно было положить промѣренную половинку на скалу десятичныхъ вѣсовъ и опредѣлить вѣсъ ея. По мѣрѣ того, какъ идетъ эта работа, писарь, находящійся при конторкѣ, заноситъ промѣренныя и взвѣшенныя половинки въ вѣдомость, въ которой означаетъ въ заголовкѣ родъ сукна и его цвѣтъ, имя фабриканта, число и годъ, а въ градахъ номеръ фабричный,

вышитый на коймъ, оказавшюся длину и среднюю ширину и переводъ къ узаконенной ширинѣ, если сукно было уже. Промѣранныя и завѣшенныя половинки идутъ затѣмъ на просмотръ приѣмной комисіи.

Приостановимся пока на сказанномъ. Мы безпристрастно отдали похвалу французскому интендантству за то, что слѣдовало похвалить, по нашему крайнему убѣжденію; столь же безпристрастно выскажемъ наши замѣтки уже чисто-критическія. Въ дѣлѣ взвѣшиванія и измѣренія французскіе приемы сильно отстали отъ употребляемыхъ въ Англіи и въ Россіи. Измѣреніе сукна на столѣ, съ отмѣткою мѣломъ черезъ каждыя два медра, дѣло слишкомъ мѣшкотное; расправка сукна по столу—статья или случайная, или зависящая отъ произвола лица мѣряющаго: сукно можетъ быть пущено по столу и слабѣе и натянутѣе. Даже наша прежняя система мѣры на десятиаршинный столъ намъ кажется лучше, какъ по скорости работы, такъ и по ровности раскладки сукна на столѣ. Затѣмъ опредѣленіе вѣса, съ его наладкой гирь, укладываніемъ на scales вѣсовъ половинки, могущее быть при этомъ свѣшиваніе сукна наполь и невѣрность вѣса до такой степени хлопотливы и неудобны, что, смотря на всю эту тугую работу, невольно рождается вопросъ: какъ же объяснить себѣ странное явленіе, что французское интендантство, обогнавшее другихъ въ декатировкѣ сукна, отстало въ болѣе легкомъ дѣлѣ и, раздѣленное только Ламаншемъ отъ Англіи, не ввело ея остроумныхъ мѣровѣсныхъ машинъ? Какимъ образомъ случилось, что мы, русскіе, живя дальше, уже съ годъ какъ перевезли эту умную машину въ Москву и теперь вводимъ ее во все интендантства? Отсутствіе мѣровѣсной машины въ берлинскомъ Montirings-Derolъ меня только удивило, но положительно поражаело въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ. Да и нельзя было не поразиться, зная съ опыта, какъ много ускоряетъ работу мѣровѣсная машина и какъ много въ то же время устраняетъ она случайныхъ ошибокъ. Я не могъ удержаться, чтобы не высказать моего изумленія лицамъ, съ которыми имѣлъ дѣло, и изъ отвѣтовъ ихъ понялъ, что англійская машина мало знакома въ Парижѣ. Единственное возраженіе, мнѣ сдѣланное, что при мѣровѣсной машинѣ ширину придется измѣрять отдѣльно, тогда какъ она измѣряется вмѣстѣ съ длиною, уже потому несостоятельно, что взвѣшиваніе идетъ же отдѣльно въ парижскомъ ма-

газинѣ, а удобнѣе и выгоднѣе измѣрять отдѣльно ширину, чѣмъ взвѣшивать каждую половинку. Такъ и хочется думать, что ручная система мѣры и вѣса держится во французскомъ интенданствѣ потому только, что не изобрѣтено еще машины національной, а перенимать чужую, вдобавокъ англійскую, нежелательно. При описанномъ опредѣленіи мѣры и вѣса стоитъ похвалить только одно: это — весьма умное правило инструкции, въ которой сказано: половинки мѣряются и вѣшаются въ присутствіи фабриканта или его довѣреннаго, о чемъ они и извѣщаются предварительно; но если бы означенныя лица не прибыли, то вѣсъ и мѣра опредѣляются безъ нихъ и считаются дѣломъ положительно оконченнымъ. Я назвалъ это правило умнымъ, вспомнивъ, какъ иногда у насъ приемной комисіи приходится сидѣть безъ дѣла въ ожиданіи прибытія господина поставщика.

Промѣренныя и взвѣшенныя половинки переносятся въ приемную комнату, вмѣстѣ съ ихъ вѣдомостію, на просмотръ членовъ приемной комисіи. Мы опишемъ ее нѣсколько подробнѣе, и если это описаніе не будетъ любопытство для большинства читателей, то, можетъ быть, имъ заинтересуются члены русскихъ приемныхъ комисій. Приемная комната расположена почти рядомъ съ той, гдѣ измѣряются половинки сукна, и отдѣлена только небольшимъ коридоромъ. Она довольно темна; одно окно обращено на сѣверъ, и передъ нимъ помѣщенъ прокатный станокъ. По инструкціи, данной въ руководство приемнымъ комисіямъ, просмотръ сукна обязателенъ передъ окномъ сѣвернымъ, чтобы прямые лучи солнца не мѣшали оцѣнкѣ и сравненію цвѣта сукна или его просмотра на просвѣтъ. Въ отношеніи цвѣтныхъ суконъ это, безспорно, имѣетъ основаніе, но при просмотрѣ сукна на просвѣтъ, при оцѣнкѣ плотности и ровности его твари, по нашему, чѣмъ больше свѣта, тѣмъ лучше. Да и при разсмотрѣніи цвѣтныхъ суконъ развѣ нельзя выбрать благоприятный поворотъ солнца? Впрочемъ, объ этой статьѣ можно и не спорить: она не такъ важна въ сущности и на практикѣ чаще обуславливается даннымъ помѣщеніемъ, а не инструкціей. Второе окно, въ описываемомъ нами помѣщеніи, было обращено на западъ и слабо освѣщало комнату. Я замѣтилъ еще два окна, наглухо закрытыя. Передъ сѣвернымъ окномъ, какъ сказано, помѣщался прокатный станокъ, почти такой же, какой принятъ въ нашихъ

интендантскихъ складахъ: также вверху стойки лежатъ три поперечныхъ ролика, по которымъ протягивается сукно; но вотъ въ чемъ разница: станокъ не плотно, какъ у насъ, придвинуть къ окну, а на разстояніи аршина, такъ что въ промежуткѣ удобно устанавливаются два стула для членовъ комисіи, осматривающихъ сукно въ свѣтъ отраженномъ (спереди), а подь роликами два стула для двухъ другихъ членовъ комисіи, для просмотра сукна на просвѣтъ. Чтобы пылъ и соръ отъ сукна не беспокоили членовъ, подь роликами протянутъ картонный щитъ, который спускается затѣмъ внизъ, позади стульевъ лицъ, ревизующихъ сукно на просвѣтъ. Этотъ щитъ—прибавка къ прокатному станку весьма полезная, и ею нехудо воспользоваться нашимъ пріемнымъ комисіямъ.

Позади прокатнаго станка остается довольно просторное мѣсто, аршинъ въ пять, на которомъ во всю длину помещенъ невысокій помѣсть (въ поларшина), и здѣсь длинными пластинами настилаются промѣренные половинки, одна на другую. Концы половинокъ сошпиливаются другъ съ другомъ, и такимъ образомъ готовится для просмотра кусокъ въ 100 и болѣе половинокъ. Онъ подается на ролики станка и тянется двумя рабочими внизъ передъ глазами четырехъ досматривающихъ офицеровъ, членовъ комисіи. Какъ только проходитъ одна половинка, ее отшпиливаютъ и относятъ въ укладку, принятой или забракованной, смотря по тому, какъ признаетъ ее комисія. Вблизи прокатнаго станка находится столъ, за которымъ писаремъ отмѣчаются въ особой книгѣ половинки принятыя, ихъ скидка за пороки, половинки возвращаемыя въ поправку и наконецъ положительно бракуемыя, съ отмѣткою за что именно. Какъ видится, порядокъ осмотра на станкѣ нѣсколько иной, чѣмъ у насъ; но взглянемъ подробнѣе на самый осмотръ. Первое, на что обращается вниманіе, это какъ ложится сукно, спадающее съ ролика станка: если оно при этомъ кладетъ пласты ровно, легко, то считается мягкимъ, промывымъ, вообще по шерсти доброкачественнымъ; если, наоборотъ, пласты не легко стелются, сукно грубо, то оно тщательно ревизуется, не проклеено ли прахмалистымъ или камедистымъ веществомъ, достаточно ли промыто, или, наконецъ, достаточно ли продекатировано. Наблюдать виѣшній общій видъ сукна, смотря по тому, какъ оно ложится падаая съ роликовъ станка, здѣсь удобно, такъ какъ оно тянется сверху внизъ; у

нась въ приемницѣ комисіяхъ это идетъ наоборотъ: сукно протягивается снизу вверхъ. Что лучше, скажемъ позже, въ связи всѣхъ статей осмотра. Далѣе: въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ, согласно инструкции, осмотръ сукна на станкѣ подраздѣляется на два: внѣ роликовъ (снаружи) и подъ роликами (на просвѣтъ). Въ первомъ случаѣ двое офицеровъ, членовъ комисіи, осматриваютъ сукно, наблюдая пятна, дыры, ряды, полосы, узлы, толстыя нити, чистоту сукна отъ костры, щоти и т. д., и сверхъ того сравниваютъ цвѣтъ и общее качество сукна съ утвержденными образцами. Я два раза былъ при работахъ комисіи и оба раза постоянно видѣлъ образецъ подъ руками членовъ. Кстати объ образцахъ: всѣ они имѣютъ мѣру метра и хранятся въ особомъ шкафу сложенными просто, а не навитыми на скалку и не въ фулярахъ, какъ въ Пруссіи.

Двое офицеровъ, досматривающихъ прокатываемое сукно подъ роликами, наблюдая также дыры, прострижки и тому подобныя пороки, видимыя и съ другой стороны сукна, главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на качество ткани, именно на то, что называется у насъ *просвѣтлом*. Отъ сукна, въ особенности муцириного, требуется, чтобы оно было ткани ровной, не пропускало бы лучи свѣта вовсе или искрой рѣдкой и мягкой, чтобы не было пятенъ и полосъ болѣе просвѣтлѣвшихъ или болѣе прозрачныхъ, доказывающихъ или неровность тканья, или неудовлетворительность вала, или неправильную и неровную вытяжку на рамахъ. Сверхъ указаній глаза, сукно часто пробуетъ на руку, и, руководствуясь всѣми имѣющимися признаками, члены комисіи судить, должно ли сукно принять какъ доброкачественное, или сдѣлать скидку за пороки терпимые (*), или возвратитъ фабриканту для поправки (за непромывъ, недовакъ и т. д.), или, наконецъ, забраковать положительно. Въ последнемъ случаѣ отъ коймы полевинки отрывается та нижняя половина, на которой вышито „*habillemens des troupes*“.

Описать осмотръ сукна, принятый въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ, сравнить его съ нашимъ, т. е. съ тѣмъ, который ведется въ московской приемной комисіи. Какъ тамъ, такъ и тутъ цѣль осмотра одна и та же, только исполняется нѣсколько разное: у насъ цвѣтъ суконъ темныхъ, черныхъ, темно-зеленыхъ, темно-синихъ и т. под. осматривается и

(*) За каждый небольшой порокъ скидывается 5 сантиметровъ; у насъ четверть аршина, что очень много.

сравнивается съ образцомъ предварительно, при отборѣ пробныхъ половинокъ, при счетѣ нѣтей, при отбививъ ширины, а мѣстныя уклоненія отъ цвѣта наблюдаются при укладкѣ пропущенной по станку половинки. Такой осмотръ совершенно достаточенъ, такъ какъ темные цвѣта, болѣе легкіе въ окраскѣ, выходятъ по обыкновенію весьма удовлетворительны, и нѣтъ надобности слѣдить каждый вершокъ и для цвѣта сидѣть передъ протягиваемымъ сукномъ, безъ нужды напрягая и утомляя глазъ. Дѣло другое съ цвѣтными сукнами. Они и у насъ просматриваются такъ же, какъ во Франціи, т. е., пропущенныя черезъ дальній отъ огня роликъ станка, разсматриваются въ свѣтѣ отраженномъ; но вотъ въ чемъ опять разница: въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ и самый цвѣтъ, по сравненію съ образцомъ, и частныя въ немъ пороки наблюдаются на станкѣ; у насъ это дѣло раздѣлено на двѣ части. Такъ какъ при прокатѣ большихъ поверхностей цвѣтнаго сукна глазъ очень скоро притупляется къ цвѣту и получаетъ даже странную способность видѣть не тотъ цвѣтъ, который смотримъ — вмѣсто алаго оранжевый, вмѣсто свѣтло-синяго зеленый и т. д. — то, естественно, наблюденіе цвѣта при такой ненормальности глаза не можетъ быть правильнымъ, и въ московской комисіи признано лучшимъ сличать цвѣтъ съ утвержденнымъ образцомъ не на прокатномъ станкѣ, а предварительно въ половинкахъ на нѣсколькихъ пластахъ, и если онъ подходить, то допускать къ дальнѣйшему осмотру, если нѣтъ — возвращать фабриканту. При этомъ глазъ утомляется несравненно менѣе и вѣрнѣе служитъ, сверхъ того выигрывается возможность сравнивать цвѣтъ съ образцомъ при различномъ направленіи луча свѣта, т. е. при различномъ углѣ его паденія, что весьма неудобно на станкѣ. Въ этомъ отношеніи нашимъ русскимъ приемамъ сличенія цвѣта нельзя не отдать предпочтенія. На прокатномъ станкѣ мы осматриваемъ только вторую часть дѣла, т. е. пороки, пятна, полосы, дыры и т. под. Въ послѣднемъ случаѣ парижская пріемная комисіа очень строга, и каждое малѣйшее пятнышко вызываетъ соответственную скидку; у насъ же, въ цвѣтныхъ безворсныхъ сукнахъ покрайней мѣрѣ, скидки дѣлаются только за пятна сквозныя, выходящія на обѣ стороны сукна. Каждый такой порокъ, пятно, дыру и пр., фабрикантъ обязанъ отмѣтить, какъ въ цвѣтныхъ, такъ и въ темныхъ сукнахъ, веревочной петлей сбоку на

время, которую французы технически и очень мѣтко называютъ звонкомъ (zennete). Эти петли при порокахъ извѣстны и нашимъ фабрикантамъ, нѣкоторыми употребляются и теперь, но большинство обходится безъ нихъ, предоставляя приемщику безъ звонковъ смотрѣть на то, что принимаетъ.

Итакъ, цвѣтныя сукна мы осматриваемъ такъ же, какъ и французы; но осмотръ просвѣта темныхъ цвѣтовъ у насъ ведется тщательнѣе: въ московской приемной комисіи окно при прокатномъ станнѣ имѣетъ зеркала изъ чистыхъ стекла, чтобы дать возможно большій просторъ дѣйствию свѣта; прямо по этимъ стекламъ тянется сукно, пропущенное чрезъ ближайшій къ окну роликъ, и досматривающій членъ комисіи и сподручный (при немъ ватеръ, придерживая слегка сукно по стеклу, не только охватливо видятъ просвѣтъ, но уже по одному привычному осозанію знаютъ, съ какого рода плотностію ткани имѣютъ дѣло. При французскомъ же приемѣ смотрѣть просвѣтъ на разстояніи болѣе чѣмъ аршина отъ стекла, естественно, многое должно ускользать отъ глаза, особенно при колеблющейся, во время протягиванія, поверхности сукна. Правда, наши московскіе поставщики сильно не долгобливаютъ этого, какъ они выражаются, *распаливанія* сукна; да дѣло въ томъ, что плотное и хорошее сукно, какъ его ни растягивай, все будетъ плотнымъ и хорошимъ; что, принимая отъ нихъ сукно недекатированнымъ, не зная слѣдовательно, сколько оно сядетъ впоследствии, наши комисіи, вдвое болѣе чѣмъ французскія, обязаны быть внимательными къ просвѣту.

Счетомъ нитей сукна по основѣ и утку приемныя комисіи во Франціи занимаются мало, хотя число этихъ нитей точно определено въ условіяхъ поставки. Они считаютъ это обязанностію тѣхъ лицъ, которымъ поручается надзоръ за фабриками. На наши глаза, это не совсѣмъ вѣрно: надзоръ надзоромъ, а провѣрка провѣркой, тѣмъ болѣе, что она весьма важна, какъ одинъ изъ определенныхъ признаковъ оцѣнки ткани. Въ московской комисіи нити просматриваются на 5⁰/₆ поставляемыхъ партий, просматриваются весьма тщательно, выбираются пробныя половинки наиболѣе слабой ткани и легкія, вскрываются въ двухъ и, въ случаѣ надобности, въ трехъ мѣстахъ, и, по заподряду безворсаго сукна, этотъ просмотръ кромѣ добра и пользы ничего худого не сдѣлалъ. Отбросъ въ бракъ 10 половинокъ за каждую неудовлетворительную половинку пробную

или перечетъ изъ изъ перваго во второй сортъ, съ уменьше-
ніемъ цѣны, заставляетъ фабрикантовъ быть повнимательнѣе
къ производству сукна, построже относиться къ своему соб-
ственному дѣлу, меньше ссылаться на то, что *такъ было* и
иначе сдѣлать они не умѣютъ. Военное министерство окажетъ
большую услугу русскому суконному дѣлу, если путемъ стро-
гихъ, но справедливыхъ требованій, при своихъ огромныхъ за-
казахъ, доведетъ постепенно производителей до строгаго въ
свою очередь порядка въ организаціи ихъ заведеній, до отчет-
ливаго исполненія всѣхъ частей производства. Частный мелкій
потребитель не въ силахъ этого сдѣлать: онъ можетъ только
хулить и сѣтовать на товаръ недоброкачественный.

За исключеніемъ цвѣта бѣлаго, натурального въ шерсти,
сукна всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ во французскихъ приемныхъ
комисіяхъ подвергаются химической оцѣнкѣ, имѣющей цѣлю
опредѣлить достоинство и прочность краски. Въ инструкціяхъ,
данныхъ комисіямъ въ руководство, указаны реагенты для раз-
личныхъ цвѣтовъ и способы ихъ употребленія. Дѣло это для на-
шихъ русскихъ приемныхъ комисій, гдѣ оцѣнка краски не введена
вовсе, совершенно новое, и мы изложимъ его обстоятельно.

Для оцѣнки цвѣта алаго употребляется растворъ квасцовъ,
при чемъ поступаютъ такъ: въ фарфоровую чашку наливаютъ
полъ-килограмма воды ($1\frac{1}{4}$ фунта), прибавляютъ 16 граммовъ
квасцовъ и кипятятъ, чтобы квасцы совершенно растворились;
потомъ, вырѣзавъ кусокъ сукна вѣсомъ въ 4 или 5 граммовъ,
опускаютъ на 5 минутъ въ этотъ кипячій растворъ. Если
окраска сукна была хороша, то цвѣтъ становится только пур-
пуровѣе; если же алый цвѣтъ измѣняется въ фонъ или уничто-
жается, то сукно на окраскѣ считается негоднымъ и бракуется.
Растворъ квасцовъ служитъ реагентомъ и для другихъ оттѣн-
ковъ сукна краснаго рода.

Для сукна гарансиноваго (краснаго), желтаго и коричне-
ваго употребляется при испытаніи бѣлое мыло. Въ килограммѣ
воды растворяютъ отъ 10 до 15 граммовъ бѣлаго мыла и въ
кипячій растворъ погружаютъ на 5 минутъ пробуемое сукно:
при хорошей окраскѣ цвѣтъ не измѣняется, при дурной онъ
оцвѣтаетъ (становится блѣднѣе).

При пробѣ какъ квасцами, такъ и мыломъ окрашиваются
обыкновенно и самые растворы; но цвѣтъ ихъ не такъ важенъ,
важъ цвѣтъ, остающійся на пробахъ сукна, которыя послѣ испы-

ганинъ должны быть тщательно вымыты и просушены для сравненія съ цвѣтомъ первоначальнымъ.

Для цвѣтовъ темно-синяго, сине-небеснаго (bleu céleste), различныхъ меланжей сѣро-желѣзнаго (gris de fer mélangé) употребляется кислота сѣрная; въ чашку съ водой, нагрѣтой, отъ 40° до 50°, прибавляютъ отъ 30 до 35 капель крѣпкой сѣрной кислоты (въ 66°). При погруженіи въ этотъ растворъ синяго сукна хорошей краснѣ, жидкость не окрашивается; но если при синемъ крашеніи были употреблены сандалъ, бразильское дерево или другія имъ подобныя красильныя вещества, то, смотря по ихъ проценту, растворъ окрашивается въ цвѣтъ красный, болѣе или менѣе густой, и даже въ фіолетовый. Для синяго цвѣта еще съ большимъ успѣхомъ служитъ кислота соляная (въ 20—25°). Въ стеклянку съ этой кислотой макаютъ пробурый отрѣзокъ сукна и, вынувъ, прожимаютъ между двумя листами бѣлой бумаги. Если крашеніе употреблено было чисто-кубовое, то цвѣтъ не измѣняется, и на бумагѣ замѣтно только зеленоватое окрашиваніе; если въ синей краскѣ участвовалъ сандалъ, то бумага получаетъ цвѣтъ красный или фіолетовый.

Этотъ способъ испытанія прилагается и къ сукну зеленого цвѣта, въ фонъ котораго входитъ индиго. Если при пробѣ цвѣтъ не измѣняется, то это важный признакъ добраго крашенія сукна.

Вотъ что говорятъ о цвѣтѣ правила инструкціи, которыя особенно внимательно рекомендуется исполнять приемнымъ комисіямъ во Франціи. Говоря о Montirungs-Depot въ Берлинѣ, мы уже высказывали, что испытаніе цвѣта необходимо ввести и въ нашу приемку сукна.

Описывая ходъ приемки въ парижскомъ обмундировальномъ депо, намъ остается еще досказать послѣднія манипуляціи. Просмотровыя и одобренныя половинки выносятся въ коридоръ (о немъ говорено выше), разделяющій приемную комнату отъ той, гдѣ сукно мѣрится и вѣшается; здѣсь къ нему прикладывается клеймо приемной комисіи и пришивается ярлыкъ. И то и другое замѣняетъ свинцовыя пломбы нашихъ приемныхъ комисій.

VII.

Приемная комисія въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ весьма удобно обходится безъ свинцовыхъ пломбъ, хотя и принятыхъ у насъ, въ Россіи, но тѣмъ не менѣе крайне не-

удобныхъ и, наконецъ, вызывающихъ расходъ до $1\frac{1}{2}$ копѣйки на каждую половинку, который значительно меньше во Франціи. Тамъ къ просмотрѣнной и одобренной половинкѣ прикладывается прямо на сукно, на нижнюю половинку его коймы, клеймо вершка два длиною, съ надписью: *Commission de verification*, и съ означеніемъ мѣста и года. Процессъ клейменія весьма остроуменъ и основанъ на дѣйствіи азотной кислоты. Для клейменія готовится довольно густой растворъ драгакантовой камеди; и къ нему прибавляется сказанная кислота; растворомъ намачивается крѣпкая волосяная подушка, съ которой и беретъ мазь бронзовое клеймо, перенося ее на сукно, гдѣ, при дѣйствіи горячаго утюга, тотчасъ выходятъ всѣ слова и цифры. Вышеописанный растворъ тѣмъ хорошъ, что годится одинаково для всѣхъ цвѣтовъ. На сукнѣ бѣломъ и сѣромъ разныхъ меланжей клеймо выходитъ желтымъ-темнымъ, на красныхъ и синихъ сукнахъ свѣтло-желтымъ, на желтомъ бурымъ. Каковъ бы ни былъ цвѣтъ сукна, клеймо рѣзко отлично и удобочитаемо. Но клеймо только выражаетъ авторизацію комисіи; цифры, относящіяся къ принятой половинкѣ, т. е. номеръ и мѣра, означаются на особомъ ярлыкѣ, печатномъ въ текстѣ и писанномъ только во вставляемыхъ цифрахъ. Этотъ ярлыкъ сдѣланъ изъ толстой, почти картонной бумаги, въ 2 вершка длиною и $1\frac{3}{4}$ шириною, и пришивается въ двухъ мѣстахъ, на койму половинки, сбоку удостовѣряющаго клейма комисіи. Съ ярлыкомъ половинка хранится въ магазинахъ, съ нимъ поступаетъ въ войска или въ швейныя мастерскія. Чтобы дать понятіе о характерѣ ярлыка, прилагаемъ для примѣра копію одного изъ нихъ:

ГЛАВНЫЙ МАГАЗИНЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Сукно гарансиновое 1,900 — 1864.

Имя фабриканта. Рожеръ Сейльеръ.

Номеръ фабриканта, вышитый на коймѣ	9,393	
Мѣра {	Ширина фабричная	119
	Длина фабричная	23 25
	Скидка за пороки	05
	Длина, затѣмъ остающаяся	23 20
	Длина на указную ширину	23 20
Номеръ магазина	163,712	

Слѣдовательно, длина этой половинки, по указной ширинѣ, 23 метра и 20 сантиметровъ. При нашей русской системѣ приѣмки сукна, приѣмная комисія кладетъ двѣ свинцовыя пломбы: на одной, прилагаемой на крышку передняго конца, значатся длина по узаконенной ширинѣ и вѣсъ (въ сукнѣ безворсномъ), на другой годъ и названіе интендантскаго склада; слѣдовательно, одна пломба отвѣчаетъ клейму французской приѣмной комисіи, другая ярлыку, пришитому къ коймѣ. О первой мы уже говорили; слѣдуетъ теперь сравнить вторую. Спора нѣтъ, что пломба съ цифрами вѣса и мѣры прикладывается скорѣе, чѣмъ французскій ярлыкъ, но за то послѣдній дешевле и, главное, представляетъ выгоды, которыя невозможны при свинцовой пломбѣ. Изъ ерлыка видно все: и фабричная ширина, и длина, и скидка, и длина по расчету ширины узаконенной; пломба даетъ менѣе—только окончательную длину, между тѣмъ какъ для войскъ, получающихъ сукно, очень важно знать, сколько въ половинкѣ лишняго примѣра за пороки, тогда какъ теперь дѣло это знаютъ только одни полковые казначеи да ихъ сподручные люди. Намъ кажется, что нѣсколько хлопотливый по письму французскій ярлыкъ можно бы удобно замѣнить наборнымъ клеймомъ, которое, при той же азотной кислотѣ, выводило бы на коймѣ сукна, подлѣ клейма комисіи, длину половинки, приведенную въ узаконенную ширину, а на другомъ концѣ половинки длину и ширину фабричную. При такихъ данныхъ въ полковыхъ хозяйствахъ могли бы уже сосчитать всѣ примѣры (лишки) за пороки. Во французскихъ приѣмныхъ комисіяхъ задній конецъ половинки не клеймится. Конечно, при такомъ порядкѣ этотъ конецъ цѣль, т. е. не попорченъ клеймомъ, за то весьма возможенъ, при транспортѣ или, правильнѣе, при упаковкѣ и распаковкѣ, отрѣзъ ножемъ сукна съ конца не заклеяеннаго, отрѣзъ, изъ-за котораго возникаетъ цѣлое дѣло, цѣлое слѣдствіе, гдѣ совершилась пропаша. Можетъ быть, во Франціи такіе примѣры не случаются, но у насъ бываютъ, несмотря на то, что на кромкѣ у задняго конца половинки какъ теперь, такъ и прежде прикладывалась пломба. Мнѣ лично привелось видѣть подобную половинку, не принятую въ полку за недомѣръ и возвращенную въ комисаріатскую комисію. Исслѣдованіе ея показало, что пломба была разогнута и перенесена по кромкѣ на два аршина выше, а конецъ сукна на столько же обрѣзанъ. Такое заключеніе

сдѣлано на томъ основаніи, что обѣ половинки пломбы были раздвинуты, но раздвинуться онѣ могли и дорогой и отъ дурной штемпелевки. При клеймѣ, вѣвшемся въ сукно отъ кислоты азотной, подобное обстоятельство не случится, а для клейма нуженъ только одинъ квадратный вершокъ въ самомъ углу, что не составитъ большой потери.

Половинки, на которыя наложено клеймо и пришитъ ярлыкъ, сдаются въ складку. Для этой работы нѣтъ опредѣленнаго мѣста въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ, и въ коридорѣ, гдѣ клеймятся половинки, и въ разныхъ углахъ по лѣстницамъ стоятъ столы для укладки сукна. На этихъ столахъ укрѣплены вертикально (на серединѣ стола) двѣ пары стоекъ, между которыми пластъ за пластомъ укладывается сукно, перхватываемое рабочимъ двумя довольно толстыми желѣзными прутьями. Каждый рабочий укладываетъ въ часъ, среднимъ числомъ, восемь половинокъ въ тридцать метровъ длиною; а такъ какъ парижская приемная комисія, работая въ день *не больше трехъ* часовъ, принимаетъ, среднимъ числомъ, по 200 половинокъ, то трое рабочихъ успѣваютъ уложить все принятое сукно. Нужно сказать еще, что, при такой укладкѣ, койма съ клеймомъ и ярлыкомъ комисіи приходится сверху и свѣшивается на бокъ половинки; затѣмъ половинка сшивается съ двухъ противоположныхъ боковъ весьма тонкимъ шнуромъ и только въ одномъ мѣстѣ съ каждаго боку. Нельзя не сознаться, что французская укладка далеко тщательнѣе нашей, а сшивка вмѣсто трехъ, какъ у насъ, въ одномъ мѣстѣ, и то шнуромъ, какъ сказано, весьма тонкимъ, избавляетъ сукно отъ лишнихъ дыръ, дѣлаемыхъ иглою. Не лишено интереса сравнить теперь общій ходъ приемки сукна, принятой во Франціи, съ тѣмъ, который имѣетъ мѣсто въ московской приемной комисіи. Во Франціи: 1) сукно декатируютъ; 2) опредѣляютъ длину и ширину; 3) вѣшаютъ; 4) прокатываютъ на станкѣ; 5) прикладываютъ ярлыкъ и клеймо; 6) складываютъ и сшиваютъ. У насъ, въ московской приемной комисіи: 1) дѣлаютъ пробную мочку; 2) на 5% опредѣляютъ ткань числомъ нитей; 3) измѣряютъ ширину; 4) опредѣляютъ длину и вѣсъ; 5) прокатываютъ на станкѣ; 6) складываютъ и сшиваютъ; 7) штемпелюютъ. Вслѣдствіе введеннаго счета нитей, число операций у насъ больше, и сверхъ того слѣдуетъ сказать, что ходъ русской приемки, въ Москвѣ покрайней мѣрѣ, представляетъ дѣло болѣе цѣльное,

кромѣ мочки, совершающееся все въ одной залѣ, и каждая часть этого дѣла идетъ на глазахъ членовъ пріемной комисіи. Въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ работы пріемки разбиты, разъединены: прокатный станокъ помѣщенъ въ одномъ мѣстѣ, мѣра идетъ въ другомъ, штемпелевка въ третьемъ, укладка въ нѣсколькихъ разныхъ мѣстахъ. Естественно, что присмотръ за разрозненнымъ дѣломъ труднѣе, и нельзя не отдать предпочтенія въ этомъ случаѣ русскому порядку. Сверхъ того мы не одобряемъ сполна и самую работу членовъ комисіи, т. е. предсѣдателя и трехъ капитановъ: наблюдая дважды пріемку, мы въ оба раза видѣли этихъ лицъ, сидящихъ кадрилию передъ протягиваемой по станку половинкой, и хотя восемь глазъ болѣе, чѣмъ четыре, но мы думаемъ, что половина членовъ совершенно праздно теряла время, наблюдая дыры, пятна и пр. — для чего слишкомъ достаточно и четырехъ глазъ—и принесла бы больше пользы, слѣдя за остальными операціями пріемки. Въ московской пріемной комисіи эти операціи всѣ, начиная отъ мочки и кончая штемпелевкой, находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ членовъ, чередующихся между собой, по распредѣленію предсѣдателя при работахъ.

Интересно также и сравненіе рабочихъ рукъ. Мы пропустимъ декатировку и начнемъ съ опредѣленія мѣры и вѣса. При этой работѣ заняты трое: одинъ мѣряетъ на столѣ, другой протягиваетъ по столу половинку, третій вѣшаетъ и относитъ въ пріемную комнату. Въ этой послѣдней двое протягиваютъ половинку по прокатному станку, двое относятъ для клейменія, одинъ клеймитъ, трое складываютъ, шиваютъ и пришиваютъ ярлыки.

У насъ, въ московской пріемной комисіи, при правильномъ ходѣ работы, т. е. при хорошихъ рабочихъ, одинъ отбиваетъ ширину, двое находятся при мѣровѣсной машинѣ, одинъ подаетъ половинки на прокатный станокъ, двое при прокатномъ станкѣ расправляютъ сукно, одинъ тянетъ, одинъ оправляетъ, двое складываютъ, двое шиваютъ, одинъ штемпелуетъ, двое выносятъ принятія половинки; итого 15 человекъ вмѣсто одиннадцати при французской пріемкѣ. Число нѣсколько большее; но разница въ томъ, что московская пріемная комисіа просматриваетъ въ день не 200, а среднимъ числомъ 300 половинокъ, пріемка и всѣ ея работы кончаются разомъ, тогда какъ уклад-

ка и шивка въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ тянутся цѣлый день, равно какъ и мѣра сукна; въ московскомъ интендантскомъ складѣ за приемкой сукна та же комисія и тѣ же люди переходятъ на приемъ полотна, холста, сапожнаго товара и прочихъ предметовъ вещеваго довольствія, и работа членовъ комисіи идетъ не три часа въ день, а часовъ семь или восемь, съ часовымъ роздыхомъ въ полдень.

Заканчивая мой разсказъ о приемѣ сукна, я долженъ сказать, что опредѣленіе прочности сукна на разрывной машинѣ, принятое въ Англіи, вводимое теперь и у насъ, вовсе не употребляется въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ. О прочности судятъ, какъ прежде и у насъ судили, по разрыву рукой, по глазу и по осязанію. Въ этомъ отношеніи французская система тоже отстала отъ заламаншскихъ сосѣдей. Но любопытнѣе всего то предубѣжденіе, съ какимъ смотрятъ члены комисіи на разрывъ сукна, считая показанія разрыва невѣрными, ни къ чему не ведущими, а между тѣмъ въ томъ же парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ имѣется разрывная машина для полотень, для калико (миткала). Тутъ строго опредѣляется крѣпость пряжи уже не пальцами, не глазомъ, и странно это противорѣчіе, странно неувоеніе такого простаго понятія, что если разрывъ пригоденъ для пряжи льняной, бумажной, то онъ столько же пригоденъ для шерстяной, шелковой и всѣхъ возможныхъ ихъ меланжей.

Но довольно о приемѣ. Описаніемъ ея и сравненіемъ съ нашими русскими порядками мы, можетъ быть, уже черезчуръ утомили читателя. Извиняемся за подробность и надѣемся, что тѣ, кого серьезно заинтересуетъ мало знакомая русской военной литературѣ техническая сторона вещеваго снабженія войскъ, не посѣтуютъ на насъ за это. Для такихъ лицъ, вслѣдъ за бѣглыми нашими очерками, мы думаемъ приступить, начиная съ сукна, наиболѣе цѣнной статьи въ обмундировкѣ, къ строгому, аналитическому сравненію самыхъ предметовъ. Намъ кажется, что только путемъ сравненія можно вѣрно уяснить и наши усилія и наши недостатки въ дѣлѣ столь серьезномъ, каково обмундированіе чуть не милліонной арміи.

Мы перейдемъ теперь къ очерку складовъ парижскаго обмундировальнаго магазина, считая его образцомъ всѣхъ остальныхъ, имѣющихся во Франціи. Предметы, весьма разнообразныя, хранящіяся въ этомъ магазинѣ, размѣщены въ двухъ

большихъ четырехэтажныхъ корпусахъ и въ нѣсколькихъ добавочныхъ, меньшей величины, помѣщеніяхъ. Начнемъ же съ большаго корпуса, въ которомъ дано мѣсто и для работъ приѣмной комисіи. Три этажа этого корпуса очень сходны: въ каждомъ, справа и слѣва, т. е. въ двѣ линіи, тянется рядъ *стележей*, похожихъ на наши русскіе, но значительно большихъ размѣровъ. Въ каждомъ ряду этихъ стележей одиннадцать; разстояніе между ними, по главному ходу, т. е. вдоль магазина, до трехъ аршинъ, въ поперечномъ же направленіи нѣсколько меньше—не болѣе двухъ, или столько, сколько занимаетъ окно, помѣщенное какъ-разъ между каждыми двумя стележами и совершенно достаточно ихъ освѣщающими. Всѣ окна, сдѣланныя въ одну раму, имѣютъ холщевыя занавѣски, уменьшающія свѣтъ, и его дѣйствіе на хранящіеся въ магазинѣ предметы: ничего особеннаго для вентиляціи воздуха нѣтъ, и оно совершается чрезъ открываемыя въ хорошую погоду окна. Каждый стележь состоитъ изъ двухъ половинъ, т. е. представляетъ два огромные шкафа, соединенные спинками и разгороженные рѣшетчатой переборкой; каждая въ свою очередь половина разгорожена вертикально стѣнкою, смотря по роду вещей, на два или на три отдѣленія, и, наконецъ, каждое отдѣленіе перегородено горизонтально полкою на два, а чаще на три этажа, нижній болѣе высокій. При каждомъ стележѣ, если онъ занятъ вещами однородными, имѣются дощечки съ надписью рода и количества вещей. Если вещи разнородны, то такихъ дощечекъ нѣсколько по отдѣленіямъ стележей. Въ четвертомъ этажѣ, меньшей вышины, стележи имѣли и меньшую мѣру. Мы уже сказали, что въ этомъ корпусѣ помѣщались самыя разнородныя предметы; большая часть стележей, впрочемъ, была занята сукномъ, фланелью, потниками для сѣделъ, но были и холсты и готовые вещи, какъ-то: сѣдла, сумки для патроновъ, ножны, ремни, козырьки, кеши, сапоги и проч.

Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ предметовъ остановимся на сукнѣ, о которомъ мы только и говорили до сихъ поръ. Его укладка въ магазинѣ совершенно отлична отъ прусской. Сукно лежитъ, какъ у насъ, неупакованными половинками, но, несмотря на то, укладка отлична отъ нашей. У насъ половинки сукна накладываются другъ на друга во всю вышину стележа, и нижняя половинка несетъ грузъ всѣхъ вышележащихъ. Отъ этого происходитъ то неудобство, что нижнія половинки полу-

чаютъ сильную апретуру, а верхнія теряютъ и ту, какую приобрѣли на фабрикѣ, и половинки, взятыя изъ разныхъ мѣстъ стележа, имѣютъ нѣсколько разныхъ внѣшній видъ. Такое неудобство въ парижскомъ обмундировальномъ магазинѣ устранено тѣмъ, что каждый стележь подраздѣленъ на три этажа или яруса, изъ которыхъ въ нижній укладываются половинки въ десять рядовъ, въ средній и верхній по семи. Конечно, въ нижнемъ ярусѣ грузъ половинокъ больше, чѣмъ въ верхнихъ; но во Франціи послѣ декатировки за апретурой сукна не гонятся, такъ какъ она скоро теряется въ шитомъ платьѣ. Но еще болѣе рѣзкая разница въ укладкѣ половинокъ съ нашей состоитъ въ томъ, что онѣ кладутся въ одинъ рядъ вдоль по стележу, т. е. изъ стележа выходитъ каждая половинка однимъ бокомъ, на который свѣшивается койма съ клеймомъ и ярлыкомъ пріемной комисіи. При такой системѣ прісмотръ и учетъ половинокъ весьма простъ и легокъ; въ нашихъ же русскихъ стележахъ половинки кладутся въ нѣсколько рядовъ, другъ друга закрывающихъ, и изъ-за передняго не только трудно досматривать задніе, но даже просто знать, есть ли тамъ сукно, или нѣтъ. Сверхъ того, что также весьма важно при сукнѣ, при французской системѣ укладки, сохраненіе половинокъ, т. е. прісмотръ за ними, несравненно удобнѣе, такъ какъ каждая половинка на виду. Кстати о сохраненіи: на моль и вообще насѣкомыхъ въ парижскомъ обмундировальномъ депо не жалуются, и главный его смотритель говорилъ мнѣ, что ему очень рѣдко приходится прибѣгать къ персидскому порошку; но за то, располагая двумястами рабочими, имѣющимися при магазинѣ, онъ пользуется каждымъ свободнымъ временемъ отъ упаковокъ, переносокъ и пр. тому подобныхъ работъ, чтобъ перебирать и пересматривать не только сукно, но и всѣ другія вещи. И дѣйствительно, въ одномъ изъ помѣщеній, назначенномъ для упаковки предметовъ, я засталъ человѣка двадцать, протирающихъ половинки на длинномъ столѣ щетками. Переборъ вещей два-три раза въ годъ, по словамъ смотрителя магазина, есть лучшее предохраняющее средство, какъ потому, что при переборѣ невольно усматриваются и насѣкомыя, и сырость, и другія неблагопріятныя обстоятельства, такъ еще больше потому, что самая вещь освѣжается воздухомъ, тогда какъ при продолжительномъ лежаніи, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ, она можетъ переходить въ тлѣніе. При пересмотрѣ, вещи, бывшія внизу, посту-

пають наверхъ, и, такимъ образомъ, болѣе или менѣе уравнивается ихъ давленіе другъ на друга. Всѣ эти замѣтки почтеннаго г. Эрига (Airigas) (смотрителя магазина) имѣютъ вѣрное теоретическое основаніе и составляютъ плодъ многолѣтней его опытности; но самое главное, конечно, въ томъ, чтобы лицо, завѣдывающее складами, было не только внимательно къ своему дѣлу, но имѣло бы правильный планъ въ переборѣ и пересмотрѣ вещей, было бы само распорядителемъ и досмотрщикомъ въ этомъ дѣлѣ, а не предоставляло его произволу и усмотрѣнію вахтеровъ и рабочихъ. Нашимъ главнымъ смотрителямъ складовъ и ихъ помощникамъ, смотрителямъ магазиновъ, не безынтересно и не бесполезно принять къ свѣдѣнію французскіе порядки, при которыхъ не ждутъ, чтобы зацвѣла рожь, а съ нею начала бы цвѣсти, т. е. плесневѣть, кожа, чтобы приступить къ ея перетиркѣ. Кстати о кожаныхъ вещахъ: въ парижскомъ магазинѣ я засталъ нѣсколько человѣкъ, перетиравшихъ жиромъ разныя залежавшіяся издѣлія: сумки, сбрую и т. под. Въ нашихъ складахъ жиръ на перетирку, сколько помнится, вовсе не полагается. Еще одно обстоятельство, стоящее вниманія: у насъ разные предметы строго разнесены по разнымъ магазинамъ, и, конечно, ни въ одномъ русскомъ складѣ съ сукнами не увидишь, напримеръ, кожи; въ парижскомъ магазинѣ такого раздѣленія нѣтъ, и у краевъ стележей съ сукномъ красиво поднимаются высокія колонны сѣдель, и поднимаются не безцѣльно: запахъ кожи, не вредя сукну, гонитъ моль и насѣкомыхъ. Привожу это не въ похвалу перепутанности предметовъ парижскаго магазина, но какъ замѣтку, не бесполезную при сохраненіи сукна. Впрочемъ, перепутанность предметовъ проистекаетъ здѣсь и отъ другой причины: каждый этажъ представляетъ одно огромное помѣщеніе, а не рядъ кладовыхъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ нашихъ интендантскихъ складахъ.

М. КИТТАРЫ.

(Продолженіе будетъ.)